

ГЕРАЛЬДИКА НЕ НАУКА, НО КОЕ-ЧТО ЗНАТЬ О НЕЙ СЛЕДУЕТ

В одном из своих номеров 2005 года столичная газета «Московский комсомолец» опубликовала заметку с красноречивым заголовком: «На голову подмосковного герба наденут корону». Заметка сообщала:

«Императорская корона украсит герб Московской области. Соответствующее изменение в действующее законодательство внесли депутаты Мособлдумы. Как стало известно «МК», изображение коронованного гербового щита будет воспроизводиться на бланках документов региона, в залах заседаний представителей исполнительной власти и др.

Кроме того, композицию дополняют три ленты ордена Ленина, которыми Московская область награждалась в 1934, 1956 и 1966 годах. Таким образом, при разработке полной версии герба региона соблюдено главное правило геральдики — принцип исторической преемственности».

Заметку дополняет рисунок нового варианта герба.

В последние годы в России «герботворчество» стало одним из любимых занятий центральной и региональных властей. Похоже, что без герба в наши дни стало просто невозможно обходиться городам, областям и даже поселкам.

Недавно в одном из уральских городов представители местной власти отвергли проект городского герба, предложенный художником, знатоком правил классической средневековой геральдики. Мотив отказа: консерватизм герба, дух которого не соответствует реалиям жизни современного индустриального центра. Заказчиков насторожила архаическая конструкция проекта, выстроенная по классическим образцам трехвековой давности. Обиженный творец герба в ответ заявил, что геральдика не терпит перемен, что она может быть только такой, какой ее создали много веков назад, что нет ни советской геральдики, ни другой иной, поскольку чуждые веяния не вписываются в каноны, освященные веками. «Герб, — заявил художник, — должен соответствовать только законам геральдики, а не духу времени».

В этом высказывании в концентрированном виде отразилась позиция тех историков, которые после распада советской государственной системы, следуя политическому заказу, настояли на отказе от современной демократической символики и на возвращении к монархической. При этом обществу объясняется, что таковы (ни больше ни меньше) требования исторической науки. «Геральдика есть в традиционном, классическом понимании наука о гербах — о правилах их составления и описания...» Эта фраза, опубликованная в «Геральдическом сборнике» Федеральной пограничной службы России, четко и однозначно формулирует видение действительности теми, кто сегодня сочиняет для страны, ее армии и самого общества государственную символику.

Я прекрасно понимаю, какое возмущение в среде ученых историков вызовет утверждение о том, что история — это не наука, а всего лишь система знаний о про-

шлом. Знаний, которые накоплены в процессе цивилизации, уложены в рамки условной календарной датировки и субъективно толкуются в соответствии с «духом времени» в разных политических и личных целях.

История — не наука уже потому, что под ее выводы нельзя подвести доказательную математическую и проверочную базу. Формулу ускорения m/s^2 вольно не истолкуешь и не отменишь. Точность ее проверена ракетными и космическими полетами. Пользуясь этой формулой, баллистики готовят и осуществляют полеты к Луне, к самым далеким планетам Солнечной системы, и ни разу не возникло сомнений в научной точности их расчета. В то же время верхом сенсационного открытия в современной российской исторической «науке» стала новая хронология Фоменко.

А уж тем более нельзя называть геральдику важной частью исторической науки. Гербоведение — всего лишь вспомогательная историческая дисциплина, как нумизматика, сфрагистика, вексикология.

Факты истории объективны, а вот их толкование полностью зависит от взглядов и убеждений толкователя. Один из моих преподавателей военной истории был доктором и даже членом-корреспондентом Академии наук. Он защитил диссертацию «Сталин — величайший полководец всех времен и народов». И никто в те годы не посмел высказаться против его посылок, доказательств и выводов. Если и были при защите этой диссертации замечания оппонентов, то только о том, что можно тему разработать глубже и показать полководческий талант Сталина еще ярче.

Толкование истории всегда имеет идеологические корни. Занимает ли историк должность, оплачиваемую государством или нет, он во всех случаях обслуживает чьи-то интересы. И уж тем более не науке, не идее, а политике служат чиновники с высокими учеными званиями историков, в том числе те, которые занимаются государственной геральдикой. Как иначе объяснить, что в век компью-

теров, Интернета, атомной энергии, космических полетов в государстве Российском, по Конституции являющимся демократическим, правовым с республиканской формой правления, дипломированные ученые доказывают, что такое государство может и должен символизировать двуглавый монархический орел под коронами?

Еще смешнее, если не просто хуже, другое.

Свобода предпринимательства открыла в стране шлюзы для разных методов шарлатанского выкачивания денег из карманов доверчивых и тщеславных сограждан. В XXI веке в стране, до недавних пор считавшейся образованной и атеистической, махровым цветом расцвели практикующие колдуны из Черной Африки, шаманы из Заполярной тундры, народные целительницы, снимающие «порчу», «сглаз», «венец безбрачия»; астрологи, по заказу составляющие индивидуальные гороскопы, и специалисты геральдической «науки»(!), за солидную плату занимающиеся созданием личных гербов. В одном из объявлений о подобной услуге так и написано:

«ВСЕРОССИЙСКОЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. РАЗРАБОТКА И РЕГИСТРАЦИЯ ФАМИЛЬНЫХ ГЕРБОВ В ГЕРБОВОМ МАТРИКУЛЕ».

Учитывая интерес к теме и раздувая его, в России за последнее время в несколько раз больше, чем за все годы советской власти, издано книг, посвященных геральдике, эмблемам, российским и международным символам. Однако большинство работ, написанных добросовестно и со знанием дела, посвящено обсуждению деталей, правил и канонов гербоведения, которые интересны весьма узкому кругу людей, занимающихся этой отраслью истории.

Еще в 1722 году в книге «Система геральдики» гербовед Александр Нибет писал, что знание геральдики необходимо для каждого дворянина. Необходимо для того, чтобы понимать смысл родовых гербов, доставшихся по наследству, и гордиться ими.

Для тех времен совет автора был весьма полезен. К сожалению, почти в том же тоне пишут о геральдике и со-

и другие авторы. Они старательно объясняют, как будет выглядеть геральдический щит, если его перечеркнут поперек цветной полосой, и каким его название становится при перечеркивании сверху вниз. С особой настойчивостью объясняется, какие сочетания цветов можно считать законными, а какие нет.

Вот для примера рассуждения одного из крупных российских специалистов по геральдике, опубликованные в популярном научном журнале:

«Во время московских Олимпийских игр было выпущено множество сувениров с изображением эмблемы игр — мишки. Его помещали на самые разные цветовые фоны, видимо, забыв, что цветовая гамма в олимпийской символике наделена четким смыслом. Каждое из пяти цветных колец означает определенную часть света: голубой — Европу, желтый — Азию, зеленый — Австралию, черный — Африку, красный — Америку. Таким образом, фоном для мишки должен был служить цвет, символизирующий место проведения Олимпиады».

Автор-геральдист искренне уверен, что при определении цветового решения олимпийских талисманов и сувениров организаторы Игр должны исходить из правил геральдики. А это не так. Правила МОК — Международного олимпийского комитета — регламентируют только цвета колец олимпийского символа, но ни в малейшей мере не ограничивают свободу творчества производителей сувениров, расцветку значков и спортивных флагов. Выпуск такой продукции — это одна из форм коммерческой деятельности в период Игр, а в этой сфере действуют законы рынка, но не геральдики.

Мы живем в веке цифровых технологий, и надо ясно понимать, что классическая геральдика сегодня не может претендовать на роль законодателя по созданию гербов государств, эмблем и символики. Мир велик и многообразен. У него нет необходимости прислушиваться к средневековой мудрости европейского рыцарства и уж тем более следовать ей. Более того, ни у кого из нас нет ни одно-

го шанса встретить в городе или на сельской дороге конного рыцаря в латах и пытаться по гербу на щите узнать, настроен он к вам дружелюбно или нет.

Поэтому данная книга в первую очередь рассчитана на тех, кто интересуется не правилами, которые регламентируют создание государственных, региональных и личных гербов, а поучительными историями, занимательными, курьезными случаями, связанными с геральдикой. Интересной она может оказаться и для людей, неравнодушных к военной геральдике и эмблематике. Особенно, если учесть, что этой теме в популярных изданиях касаются не очень часто.

Итак, начнем с выяснения того, как родилась геральдика, кому и зачем она служила.

РЫЦАРИ, ГЕРОЛЬДЫ, ТУРНИРЫ

Судя по тиражам, которыми в нашей стране выпускался роман Вальтера Скотта «Айвенго», его читали многие. Впервые эта книга увидела свет в 1819 году, и вот уже много лет ею увлекаются любители художественной литературы. В этом мало удивительного. Вальтер Скотт — певец рыцарской чести и доблести. В его романах слышится звон мечей, треск ломающихся копий, в них благородные люди сражаются за справедливость, переносят тяжелые испытания, но в конце концов побеждают зло. По-своему воспел рыцарство Мигель де Сервантес Сааведра в знаменитом романе «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

Рыцари в XII—XIV веках в раздробленных княжествах и королевствах Западной и Центральной Европы составляли узкий, замкнутый и привилегированный социальный слой. Взаимоотношения внутри рыцарского сословия строились на вассалитете — строгой подчиненности своему сеньору. Главной обязанностью вассала-рыцаря было несение за свой счет военной службы своему госпо-

дину. Рыцарь приобретал боевого коня и вооружение — щит, меч, копье, латы, приносил присягу сеньору, получал право участвовать в турнирах и вести поединки.

Первоначально рыцарем мог стать каждый человек, имевший склонность к военному делу и готовый служить в ополчении своего сеньора. Тогда еще рыцари делились на свободных и министриалов, то есть непрофессиональных вояк, набравшихся в дружину сеньора из его двора. Однако со временем правила стали ужесточаться, и в 1156 году Фридрих I запретил крестьянам носить копье и меч. Даже купцы лишились права ходить подпоясанными мечом. Они могли только возить его с собой, притороченным к седлу.

Для того чтобы вызвать соперника на вооруженный поединок, бросающему вызов предстояло доказать свое рыцарское происхождение, а по саксонскому закону у истинного рыцаря рыцарями должны быть отец и дед.

Постепенно рыцарство все более выделялось в привилегированное вооруженное сословие, имевшее целый ряд преимуществ и льгот. В Англии правом посвящения в рыцари обладали только монархи, что являлось важной прерогативой короля.

Были разработаны правила такого посвящения, которые соблюдались с большой точностью.

В 791 году Карл Великий торжественно опоясал 13-летнего сына Людовика мечом, а в 883 году — 15-летнего Карла. Это положило начало традиции посвящения в рыцари, как в члены воинского сословия. Называлась церемония «надеть воинский пояс» (*cinquulum militare*).

В обряд посвящения входило вручение оружия, подвязывание шпор, облачение в кольчугу и шлем. В конце обряда новый рыцарь должен был вскочить на коня, не касаясь стремян, проскакать галопом и поразить копьем несколько мишеней, закрепленных на столбах.

В кодекс рыцарской верности включалось исполнение христианских обязанностей служению богу, своему фео-

далу и справедливости. Естественно, в обряде посвящения рыцарей принимали участие и священнослужители.

По епископскому обряднику Гийома Дюрана епископ после обедни благословлял меч, который клали обнаженным на жертвенник, затем вкладывал его в руку посвящаемого в рыцари. Когда тот опускал оружие в ножны, епископ со словами «да будут опоясаны чресла твои мечом» сам затягивал пояс рыцаря. Старые рыцари повязывали новому шпоры и вручали ему знамя.

Получивший звание юноша становился оруженосцем и лишь спустя какое-то время, проявив себя доблестным и верным своему феодалу, мог стать полноправным рыцарем, получить гербовые знаки и право участвовать в турнирах.

Вот описанный Вальтером Скоттом в романе «Айвенго» рыцарский турнир. Он состоялся в конце далекого для нас XII века в Англии на опушке большого леса, на расстоянии одной мили от города Ашби.

Место ожидаемых состязаний представляло великолепное зрелище. Покатые галереи были заполнены родовитыми, знатными и богатыми зрителями; разнообразные цвета одежды создавали впечатление веселой пестроты, составляли приятный контраст с темными и тусклыми оттенками платьев солидных горожан и йоменов, которые, толпясь ниже галерей вдоль ограды, образовывали как бы темную кайму, еще резче оттенявшую блеск и пышность верхних рядов.

Герольды закончили чтение правил обычными возгласами: «Щедрость, щедрость, доблестные рыцари!» В ответ на их призывы со всех галерей посыпались золотые и серебряные монеты. Герольды вели летопись турниров, и рыцари не жалели денег для историков своих подвигов. В благодарность за полученные дары герольды восклицали: «Любовь к дамам! Смерть противникам! Честь великодушию! Слава храброму!» Зрители попроще присоединяли к возгласам свои радостные клики, между тем трубачи оглашали воздух воинственными звуками. Когда стих весь

но шум, герольды блистательной вереницей покинули арену. Одни лишь маршалы, в полном боевом вооружении, верхом на закованных в панцири конях, неподвижно, как статуи, стояли у ворот по обоим концам поля.

Турнир начался поединком пяти рыцарей против пяти других. Затем схватки следовали одна за другой, и стало очевидным, что победителем из них неизменно выходит некий рыцарь Бриан де Буагильбер из ордена храмовников. Он легко разделялся со всеми, кто пытался противопоставить ему свою силу и ловкость. Казалось, зрителей уже ничто интересное не ожидает. И вдруг... После того как музыканты еще раз сыграли какой-то марш, на северном конце арены из-за ограды послышался звук одинокой трубы, означавший вызов. Все взоры обратились в ту сторону, чтобы посмотреть, кто этот новый рыцарь, возвестивший о своем прибытии. Ворота поспешили отпереть, и он въехал на ристалище.

Насколько можно судить о человеке, закованном в боевые доспехи, новый боец был немногим выше среднего роста и скорее хрупкого, чем крепкого телосложения. На нем был стальной панцирь с богатой золотой насечкой; герб на его щите изображал молодой дуб, вырванный с корнем; под ним шла надпись на испанском языке, означавшая «лишенный наследства». Ехал он на превосходном вороном коне. Проезжая вдоль галерей, он изящным движением склонил копье, приветствуя принца и дам.

К удивлению зрителей турнира, новый рыцарь вызвал на смертный бой грозного храмовника — де Буагильбера. Тот, готовясь к бою, приказал подать себе свежего коня, сильного и резвого, выбрал новое копье и переменил щит, который повредил в предыдущих стычках.

На первом щите у него была обычная эмблема храмовников — двое рыцарей, едущих на одной лошади. Предполагалось, что она олицетворяет смирение и бедность. На самом же деле, что было хорошо известно всем, рыцари Храма Христова отличались надменностью и корыстолюбием. На новом щите де Буагильбера оказался изобра-

женным ворон, который держал в когтях череп, а под ним виднелась надпись: «Берегись ворона».

Как помнят читатели книги, рыцарь Лишенный Наследства в честном бою опрокинул храмовника наземь. Затем ему пришлось сражаться с другим бойцом — Фронде Бифом, громадным богатырем в черной броне и с белым щитом, на котором красовался рисунок бычьей головы и чернела надпись: «Берегись, вот я». Над ним рыцарь Лишенный Наследства также одержал победу.

Внимательный читатель уже наверняка отметил особую роль герольдов в организации и проведении рыцарского турнира. Они выступали распорядителями схваток, были знатоками правил рыцарской чести, законов турнирных боев. Но главное — герольды слыли специалистами в конструировании новых гербов и умело трактовали смысл старых, ранее созданных. Именно от герольдов новая для тех времен дисциплина получила название геральдики.

Но для чего вдруг понадобились гербы? Какую роль они играли в жизни рыцарей?

Не сомневаюсь, старинное рыцарское снаряжение — латы, панцири, шлемы с подвижными забралами, двуручные мечи, копья и щиты — видели многие. Сегодня такие предметы предстают перед нами как атрибуты сказочных героев. Тех, что скитались по свету в поисках красавиц, которых требовалось спасти от кровожадного дракона, выползающего на берег из озерной пучины. Или чтобы освободить бедных селян от какого-нибудь зловредного Соловья-разбойника, не дававшего проходу людям по торным дорогам.

Но доспехи — это далеко не сказочные предметы, а честные свидетели жестокой суровости минувших веков, когда только латы, меч и щит обеспечивали человеку возможность ездить по стране без особой опаски. Разбойники из лесов, расположенных рядом с городами, бродяги, промышлявшие грабежами и разбоем, увидев вооруженного рыцаря, старались уйти с его дороги. А если одному

ножке на узкой лесной тропе встречался другой такой же рыцарь — гремевший доспехами и державший руку на плече меча, что тогда? Как можно было узнать, кто он? Свой или боец из лагеря противников, с которыми при встрече необходимо биться до полной победы?

Вот тут-то и требовались символы, которые бы отличали один рыцарский клан от другого. Такие знаки и стали рисовать на щите — единственном месте, оказавшемся наиболее удобным для размещения знаков боевой символики. Размеры щита ко всему позволяли делать рисунки гербов крупными, видными с далекого расстояния.

Объединения рыцарей, служивших одному сеньору, именовались *орденами*. Во множественном числе слово произносится как «ордены». Об этом стоит помнить, поскольку орден — это наградные знаки, а орден — монашеские и рыцарские организации. Есть разница, верно?

Каждый, кто смотрел кинофильм «Александр Невский», легко вспомнит о Тевтонском ордене, члены которого нам более известны под названием «псов-рыцарей». Объединявшим их символом служил широкий черный крест на белом поле. Позже символ тевтонов был увековечен в высшей награде Пруссии и Германии — в ордене Железного креста.

Столь же хорошо известен орден иоаннитов, или госпитальеров. В романе «Айвенго» увековечены надменность, властность и жестокость рыцарей христианского ордена храмовников, иначе тамплиеров (temple — по-английски значит «храм»). Мы даже узнали об их гербе — о двух рыцарях, едущих на одной лошади.

Ордены с большой строгостью следили за тем, как их рыцари ведут себя в сражениях. Проверками отваги и смелости становились регулярно проводившиеся турниры. На них бились с полной силой и беспощадностью. Каждая стычка была связана с огромным риском для здоровья и даже жизни. Упасть с коня от мощного удара копьем — удовольствие небольшое. Сломанные шеи, руки и ноги были постоянными спутниками таких схваток.

Рыцаря, дрогнувшего на поле боя, оставившего без приказа место сражения, ждало строгое наказание. Провинившегося выводили на эшафот — своего рода сцену, которую для подобного рода экзекуций сооружали на центральных площадях городов. Затем на глазах толпы простолудинов палачи разбивали молотами доспехи наказуемого, ломали его меч, а со щита сдирали или стирали герб. Затем бывшего рыцаря привязывали к хвосту его собственного коня и волокли по городу на потеху зевакам. Герольд, следовавший за процессией, громогласно объявлял о проступке рыцаря и поносил его последними словами. Поскольку граждане городов обычно терпели от рыцарей немало притеснений, то поверженного в прах представителя этой профессии они буквально заплевывали.

Следующим актом уничижительной церемонии было «погребение». Рыцаря, подвергавшегося изгнанию из ордена, «отпевали» священнослужители. При этом церемония велась не по каноническому обряду, который предназначен для покойников, отправлявшихся в христианский рай, а по специальному сценарию. Над «усопшим», даже если тот был жив, читались стихи от шестого по пятнадцатый сто восьмого псалма:

«Поставь над ним нечестивого, и диавол да станет одесную его.

Когда будет судиться, да выйдет виновным, и молитва его да будет во грех.

Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой.

Дети его да будут сиротами, и жена его — вдовою.

Да скитаются дети его и нищенствуют, и просят хлеба из развалин своих.

Да захватит заимодавец все, что есть у него, и чужие да расхитят труд его.

Да не будет сострадающего ему; да не будет милующего сирот его;

Да будет потомство его на погибель, и да изгладится имя их в следующем роде.

Да будет воспомянуто пред Господом беззаконие отцов его, и грех матери его да не изгладится.

Да будут они всегда в очах Господа, и да истребит Он память их на земле...»

Нетрудно представить, как выглядел бывший рыцарь после такого «погребения» в глазах сограждан и тех, кто еще недавно являлся его товарищем.

Во время обряда «погребения» у герольда, который представлял на казни рыцарский орден, трижды спрашивали имя рыцаря, которого «отпевали». И три раза герольд отвечал, что имя человека, опозорившего себя, ни ему, ни ордену неизвестно.

После «отпевания» на голову наказуемого выливали чашу теплой воды, затем сводили его с эшафота на веревке...

Для ордена человек был мертв, для дворянства — с позором вычеркнут из рода, для церкви — проклят перед богом.

Надо ли объяснять, почему рыцари предпочитали пасть в схватке, чем быть отпетыми заживо? Тот, кто чувствовал за собой слабость, не обладал безрассудством и яростью, готовностью драться по поводу и без повода, рыцарем себя объявить не смел.

Щит в жизни рыцарей, в том числе и русских ратников, играл весьма важную роль. Вспомним: по преданию, князь Святослав прибил свой щит над воротами Царьграда. Собираясь на войну, русские говорили, что «ставят щит против». Выражение «стоять за щитами» означало, что войско выстроилось в боевой порядок. Слова «взяти на щит» у русичей означали военную добычу. «Русичи великие поля червлеными щитами перегородиша», — писал летописец, рассказывая о приготовлениях к битве.

Слова «вернуться со щитом» — равносильны выражению «вернуться с победой». «Вернуться на щите» — пасть в бою.

Вот почему в ряде случаев наказание рыцарей за не очень тяжкие проступки сводилось к опорочиванию их

А. А. Щелоков

щитов. В некоторых случаях у них срезался правый угол, в других — нижняя часть.

Исторические хроники зафиксировали случай, когда французский король Людовик Святой (1214—1270) повелел рыцарю Жану д'Авену, который оскорбил свою мать, стереть у изображенного на щите льва язык и когти.

Сегодня о таких случаях мало кто знает. И неудивительно. Ведь без малого двести лет назад автор «Айвенго» уже имел возможность с сожалением сказать:

*«Рыцарей нет,
На оружии — ржавчины след,
Души воинов покинули свет.*

Их гербы без следа исчезли со стен замков, да и сами замки превратились в зеленые холмы и жалкие развалины. Там, где их знали когда-то, теперь не помнят — нет! Много поколений сменилось, и было забыто о том самом краю, где царили могущественные властелины. Какое дело читателю до тех имен и рыцарских гербов!»

Скорбь Вальтера Скотта, певца рыцарской романтики, нам понятна. Но, поскольку мы отправились на экскурсию в прошлое за тайнами геральдики, вопреки сожалениям писателя, до старых гербов нам с вами дело есть.

Но здесь стоит сказать еще несколько слов о герольдах, или, как их еще иногда называют, герольдмейстерах.

В век расцвета рыцарства герольды составляли замкнутый клан, который строился по средневековым цеховым традициям. Попасты в этот узкий круг у человека со стороны не было никакой возможности, а тайны геральдики строго охранялись и были известны только избранным. Это делалось для того, чтобы герольды не утрачивали, а наоборот, приобретали все большее влияние и власть в рыцарском сообществе.

Властью обычно обладают те, кто устанавливает правила и законы, а потом контролирует их исполнение.

Герольды устанавливали правила, касавшиеся каждого рыцаря. Они, и только они, имели право разрабатывать рыцарские гербы, контролировать точность их оформле-

ния по требованиям геральдики и определять, достоин ли тот или иной рыцарь права принимать участие в турнирах.

Обряд выбора участников будущего сражения был разработан до мельчайших деталей. Каждый претендент должен был выдержать геральдическую проверку. Заключалась она в том, что их гербы проходили процедуру *блазонирования* (от немецкого *blasen* — трубить).

Именно трубным звуком герольды привлекали внимание зрителей, когда объявляли о правильности гербов участников поединка. Теперь в геральдике слово «блазонирование» употребляется в смысле толкования гербов, разъяснения символов, эмблем, девизов и других геральдических премудростей.

Чтобы сохранять свои исключительные права на понимание смысла рыцарских гербов, герольды разработали очень строгие правила блазонирования, исключавшие возможность такого занятия для посторонних.

В наше время, стремясь обосновать незыблемость правил геральдики, специалисты, которые занимаются этой дисциплиной, подвергают критике любое бытовое толкование смысла гербов и противопоставляют его «научному».

Вот, на мой взгляд, не столько серьезная, сколько забавная цитата из «Словаря международной символики и эмблематики», доказывающая «неправильность» описания республиканского герба, которое давала Конституция РСФСР. Цитирую:

Статья 180 Конституции РСФСР 1977 года	Правильное (блазонное) описание
<p>Государственный герб РСФСР представляет собой изображение серпа и молота на красном фоне в лучах солнца, в обрамлении колосьев, с надписью «РСФСР» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В верхней части герба — пятиконечная звезда.</p>	<p>В красном поле фигурного щита золотые серп и молот, скрещенные в лучах восходящего солнца. В главе щита буквенное изображение прямым черным шрифтом «РСФСР». Щит обрамлен семью золотыми колосьями с каждой стороны — 2:2:1:1. В красной девизной ленте под щитом девиз: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В наверху герба — красная пятиконечная, окаймленная золотой каймой звезда.</p>

А это сам герб, который якобы был «неверно» описан в Основном Законе Российской Федерации. Каждый имеет право на частное мнение о законе, но закон не обязан учитывать каждое частное мнение знатока средневековой геральдики.

Отстаивая обязательность соблюдения правил блазони-рования, автор «Словаря» отказывается от признания многообразия мира символов и знаков, который не подвластен канонам европейской геральдики. И именно это многообразие символики вызывает возмущение «специалиста». Читаем:

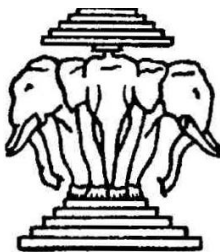
«Иногда же существенные отклонения от правил герботворчества наблюдаются и в государственных гербах, особенно у стран Азии, где существовал и существует свой мир символов и эмблем, зачастую весьма далекий от европейского, и, главное, где сложились свои представления о гербовой структуре. Так, например, государственный герб Непала не имеет щита, обладает смешанным радугоподобным цветом, состоит из таких элементов, которые не поддаются определению как геральдические фигуры, ибо фактически являют собой некие «картинки» (горы, текущая река, сельский храм-часовня под сенью дерева), выдержанные в естественном, а не в условном стиле».

Между прочим, выражая непальским властям от имени европейской геральдики предупреждение о неполном служебном соответствии, автор знает, но умалчивает о том, что наибольшее число «картинок» принадлежит гербам («печатам») отдельных штатов США.

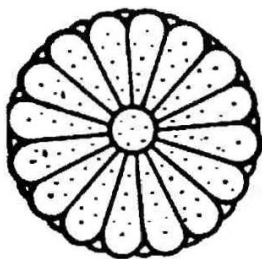
А это для примера три «неправильных» государственных герба стран, не признающих геральдических щитов и других условий европейской геральдики.

2

3

1. Лаос.

2. Япония

3. Саудовская Аравия

Тем не менее, чтобы разобраться в канонах классической европейской геральдики, нам стоит познакомиться с некоторыми правилами этого ремесла ритуальных услуг.
